

ВДОГОНКУ

Михаил ШЕПЕНКО,
художественный руководитель
театра "Камерная сцена"

Культура. 1997. 19 апр.
Уважаемый Марк Анатольевич!

В своей достаточно продолжительной жизни в театре я избегал публичных высказываний, так как был убежден (и убежден сейчас), что дело режиссера состоит в том, чтобы всеми силами стремиться созидать искусство театра (то есть ставить спектакли, воспитывать актеров, решать организационные вопросы, принимать меры к тому, чтобы театр не умер, и т.д.), а не провозглашать манифесты. Однако я вынужден нарушить этот принцип в связи с чрезвычайным явлением в нашей театральной жизни — крестовым походом по уничтожению лишних театров, вождем и идейным вдохновителем которого сделался, к сожалению, Вы, Марк Анатольевич.

В своих выступлениях и, в частности, в публикации в "Известиях" "Зачем Москве 200 театров?" Вы исходите из предположения, что количество театров в Москве непомерно велико, не оправдано экономически и попросту не нужно.

Я с Вами согласен.

Вы констатируете факт экономического распада страны. Я не могу не признать безусловной очевидности этого факта.

Но здесь, кажется, наше совпадение заканчивается. На Ваш взгляд, мы при недостатке денег в бюджете должны закрыть часть театров, чтобы другим жилось легче, и создавать театры, коммерчески себя оправдывающие. При этом Вы даже согласны на порнографию: "Если в голову им (режиссерам. — М.Ш.) будет приходить одна только порнография, что же, и это не беда. Можно будет играть не в центре города, а в специально отведенном месте".

Признаюсь, меня ставят в тупик эти Ваши слова.

Вам, Марк Анатольевич, конечно же, известно высказывание К.С.Станиславского о том, что лжеискусство творится в **сотнях театров**, а истинное искусство — в двух-трех. Но почему мы не сталкивались с требованием Станиславского о закрытии хотя бы одного из этих сотен театров, творящих лжеискусство? Почему группа оголтелых театральных и околотеатральных деятелей 20–30-х годов, канувшая в Лету, озлобленно требовала уничтожения академических театров, а Станиславский, не усматривая художественных открытий в новых театрах, благодарно уклонялся от ответной агрессии? Я думаю, что он не менее, чем мы с Вами, был обеспокоен состоянием театрального процесса. Просто в его взгляде присутствовали два великих принципа, данных человеку, — принцип стремления к Истине и принцип стремления к Добру. Не скрывать ни капли даже самой жестокой правды и не изменить любви к ближнему — вот та благородная основа поведения Станиславского, которую должно нам наследовать.

Итак, согласившись с Вами, что существуют лишние театры, я хочу попробовать найти критерий отбора этих театров. Может быть, он — в соответствии соответствующих размеров? То есть если здание театра имеет большую кубатуру, большой периметр, прекрасно оснащено технически, то такой театр уничтожать не нужно. А если здание небольшое или вообще отсутствует, то такой театр надо закрыть. Думаю, абсурдность такого взгляда очевидна для всех.

Может быть, критерием является отсутствие традиций театра, заслуг прошлого? При очевидной неправомерности такого мнения оно наличествует в общественном театральном сознании, которому свойственна убийственная инерционность: когда-то знаменитый театр бывает давно уж мертв, а публика продолжает в течение многих лет и даже десятилетий принимать суррогат за истинное искусство. Феномен "голого короля" — один из основных, к сожалению, в человечестве.

Может быть, основание отбора в количестве спектаклей? К этому склоняются, насколько мне известно, некоторые деятели театра. Однако возникает вопрос:

количество каких спектаклей? Если это 500 плохих спектаклей в год, то, я думаю, лучше бы было, если бы их не было вовсе.

Может быть, критерий — это коммерческая несостоятельность театра? Как просто! Дает театр доход, окупает себя — пусть живет. Не окупает — пусть постоит. Я знаю, что Вы не абсолютизируете этот принцип, но тенденция к этому у Вас есть. Иначе мне трудно объяснить Вашу приветливость к порнографии на сцене. Для меня (и, надеюсь, для большинства наших коллег) превращение театра в дом терпимости — чрезвычайно коммерчески выгодный — есть факт, не сопоставимый по степени обременительности и деструктивности для общества с фактом убыточности плохого театра.

Коммерчески невыгодными являются театры экспериментальные, ищущие, основывающие свою эстетику на **духовности**, а не на нижней энергетике. Очевидно, что искусство требует сложной духовной

и нравственной работы и художника, и зрителя. Оно не может быть коммерческим. Если же мы откажемся от этого искусства, то мы лишимся соли земли. Во всяком случае горе элитарности, основанной на наличии больших денег. Театр (как искусство, а не как форма массовой культуры) имеет своим основанием "нищету духа" и "алкание правды", а эти качества человеческой души редко совпадают с тугим кошельком.

Известно, как популярность такого, например, театра, как Театр на Таганке, сыграла с ним плохую шутку. Зал заполнился "престижным", то есть денежным зрителем. Это был сытый зал. И мертвый. И он стал убивать творчество.

Вы, Марк Анатольевич, констатируя устрашающую экономическую ситуацию, делаете простой и прагматичный вывод: денег мало, надо дать их немногим, а не раздавать их по крупице неравноценным по художественным достижениям театрам. В этой идее суть Ваших выступлений. Проблема же, на мой взгляд, более сложна. Я смею думать, что и экономический, и политический, и нравственный распад нашего Отечества — следствие распада духа.

Вы, Марк Анатольевич, говорите о подрывности нашего менталитета. Мне кажется, что, если уж речь зашла о менталитете, следует сказать о проблеме, с которой столкнулись западные политологи, обнаружив качественную разницу западного и российского менталитета. Это не

разница видовая. Западному менталитету свойственны эгоизм, прагматизм, атеизм. Российскому — коллективизм, некий лиризм, религиозность. Эти качества российского менталитета не сумели уничтожить десятилетия террора.

И, учитывая эти качества, думается, что необходимо не механическое перенятие западных (далеко не всегда общечеловеческих) достижений, в том числе системы Бродвея, а поиск духа, пафоса общенациональной цели, которая — единственная! — может одушевить больное тело России.

И здесь, я убежден, необходимы существенные экономические затраты общества на духовную сферу деятельности и, в частности, на театр. Это **экономически** оправдано, ибо жизнь там, где дух.

Итак, думаю, очевидна **абсолютная отнositельность** всех вышеперечисленных критериев.

Остается последний и главный: уничтожение по принципу низкой художественности и эстетической неполноценности. Для этого Вы, Марк Анатольевич, предлагаете создать некий комитет экспертов, компетентность которых не вызывает сомнений.

Итак, компетентность экспертов. Скажите, компетентен ли эксперт, имя которого известно всему миру в течение двух с половиной столетий как имя выдающегося драматурга? Думаю, что такой степени компетентности не обладает ни один из возможных экспертов, ныне здравствующих. И что же делал этот великий эксперт? Он жестоко травил и преследовал другого великого человека. Гоцци преследовал Гольдони. Это общеизвестный факт, не являющийся украшением биографии Гоцци. Сальери провел свою экспертизу еще более радикально. Думаю, что не открою ничего нового, если скажу, что подавляющее число режиссеров не признает художественной ценности деятельности своих собратьев. Известно, как, например, не любил Товстоногов чужие спектакли. Такие примеры можно приводить достаточно долго.

Вы скажете: хорошо, пусть экспертами будут не режиссеры, а театральные критики. Но и здесь объективность невозможна.

Искусство имеет страстную природу. А там, где страсть, там нет объективности. Восприятие искусства субъективно — иначе исчезает сам факт его восприятия.

Великий Пушкин беспомощно развел руками и сказал, что художника надо судить по законам, которые он сам над собой ставит.

Как видим, нужно честно признать абсолютную отнositельность и этого критерия — мнения компетентных экспертов.

В этом, собственно, и состоит суть проблемы: **абсолютных критериев для закрытия театров нет.**

В конце статьи Вы, Марк Анатольевич, говорите о якобы сочувственной реакции мэра Москвы на Ваши идеи в частной беседе.

Думаю, что это не совсем точная трактовка, так как Юрий Михайлович год назад на традиционной встрече с руководителями московских театров во всеуслышание заявил: "Умоляю, не создавайте комиссий экспертов. В науке именно эти комиссии запретили наиболее передовые, перспективные направления, в частности кибернетику, бионику и т.д. В результате страна катастрофически отстала..."

Через год после этого, совсем недавно, Юрий Михайлович в ответ на Ваше выступление, Марк Анатольевич, выразил свой принцип, который вызвал единодушные аплодисменты зала: "Театры должны закрываться, но их не нужно **закрывать**".

Да, проблема, конечно же, существует. Я коснулся далеко не всех ее аспектов. Но, думаю, несомненен тот факт, что нельзя избирать "сальерианский" путь ее решения. Тем более нельзя избирать его художнику в силу несовместности "гения и злодейства".